

"Белеет мой парус, такой одинокий на фоне стальных кораблей!" Или: "Кипит гранит, пылает лед и легкий пух сбивает с ног — что за напасть?" Несерьезные песенки, рифмованные бредни — классика ироничного жанра, стилизация во всей своей красе. Но от этой легкости, от этого романтического лепета в холодке восторга обмирает душа... Кажется, слова романсов давным-давно, окончательно и непоправимо, стали народными. Марк Захаров обозвал их автора "инъекцией корейского отчаяния в русскую безысходность, но инъекцией, приводящей людей в восторг". Помните? "Ходят кони над рекою, ищут кони водопою..."

Юлий КИМ:
"Всю-то жизнь я дурачился с песней!"

Учитель Босой

МБ. - 2000. - 13 ноября. - С. 8

нографическую запись Семнадцатого съезда партии. Левитину я бесконечно благодарен за "Безразмерное танго". "Пиши любую чушь, я поставлю", — сказал он.

— Это тот спектакль, где по сцене бегали шесть такс, а зрителей, говорят, угощали салом и горилкой? С пятьюдесятью куплетами?

— С таксами — да. А куплетов я написал еще больше, чем поставлено: за восемьдесят!

Хорошо на московском просторе Светят звезды Кремля в синеве. Гордый горец из города Гори Все мечталذهب о дружной семье. Как искал он тепла и участия, Как хотел доверять и любить! Этой страстной мечтой И ужасной средой Можно многое в нем объяснить.

— Юлий Черсанович, можно назвать жанр, в котором вы работаете, скажем, ироническим оптимизмом?

— Это вы сказали. Я самоопределениями заниматься не люблю, хотя я — учитель литературы и должен бы любить. Если вам кажется, что мне присущ иронический оптимизм, — я согласен; если скажете, что романтическая меланхолия, — я и с этим соглашусь.

Но, как ни странно, вы почти угадали вот что. Еще в студенческие времена меня потрясло выражение Анатоля Франса: "Отношение к человеку выражается в двух словах — ирония и сострадание". Правда, Франс не включил еще "любовь" — наверное, она входит в "сострадание". Но, может быть, в этом есть высокомерие, снисходительность всезнающего мудреца. В моем отношении к человеку высокомерия и снисходительности нет...

— Не оттого ли, что жизненный опыт у вас и у Анатоля Франса, мягко говоря, несколько разный?

— Не думаю. Это у кого как — жизнью не определяется.

■ ■ ■

Невысокий, сухой, с прямой спиной, он потчует кофе, вежливо справившись сначала: "Вам с сахаром?.." В свою чашку бросает пару таблеток подсластителя.

— Придерживаетесь диеты?

Звонок. Ким извиняется, а потом обрадованно вопит в телефонную трубку: "Антон! Вечером я подъеду к Вавке, а до этого буду упрямо работать, колотить по машинке всеми ногами! Как ты насчет посидеть в обнимку?.."

— Специально диеты не придерживаюсь. Есть определенные ограничения — из-за докторов.

— Вы по квартире ходите босиком, и вот на фотографии — тоже... Это влияние какого-то восточного учения или привычка, оставшаяся с детства?

— Ну, фото — то ж в Пярну, на курорте! Хотя время от времени хожу босиком с удовольствием. Был в Театре на Таганке электрик по имени Саша, который принадлежал к братству Порфирия Иванова — популярного в недалеком прошлом мудреца. Этот Саша ходил только босиком. Но носил при себе небольшой мешочек с тапочками, так как иначе его не пускали в метро. Дело в том, что мудрец проповедовал целую философию, которая включала обязательное бытование босиком и без шапки. Они отрицали диеты и ели все подряд, включая просроченные консервы. Но я больше ничего отсюда не воспринял!

— Мне показалось, вы очень собранный внутренне, самодисциплинированный человек... Это от природы или достигнуто долгой тренировкой?

— Самодисциплина? Да. Это учительское дело. Я был очень добросовестным учителем, и привычка приходит вовремя и выполнять работу в срок осталась со школьных времен.

— ...И определенно не эпикуреец...

— Нет. Когда говорят "эпикуреец", мне сразу рисуется Александр Ширвиндт — умеющий красиво лениться, с трубкой в зубах и удочкой в руках. Нужно снимать фильмы: "Как А.А. ловит рыбу", "Как А.А. готовит"!

Однажды я наблюдал, как Ширвиндт жарит яичницу с сулугуни. Очень красиво, и в результате получилось совершенный шедевр кулинарного искусства. Я потом пробовал повторить — вышли одни огрызки. Ширвиндт остался брюнетом в шестьдесят с лишним лет и пьет водку, как в тридцать, — это усиливает мои восторги и чистую зависть. Таких вершин эпикурейства я не достигну никогда. Не стремлюсь, но нра-а-авится, хе-хе!

— Традиционно: ваши привычки? (Я-то собиралась порасспросить о старой портативной машинке, наизготовку расчехленной на столе у окна. О явной нелюбви к компьютеру: его в комнате просто не было. О гитаре, стоящей в черном кожаном чехле... Но Ким элегантно показал свое недовольство скучным вопросом: встал в позу "У классной доски" и начал сухо и педантично диктовать. — Р.М.)

— Пишите. В меню я превыше всего ценю щи из квашеной капусты, тихоокеанскую камбалу, зажаренную правильно, и свежий белый хлеб с густым слоем сливочного масла и с еще более густым слоем клубничного варенья...

Но быстро оттаял:

— Люблю хорошие авторучки — но ни в коем случае не перьевые. У меня были две перьевые — одна Галича, другая Авторханова, — но теперь они украшают столы моих друзей. Была попытка сесть за компьютер. Но там пропадает ощущение физической работы: трогаешь себе клавиатуру пальчиком... А на машинке приходится барабанить!

И зачем компьютер? Я работаю в малагабаритных жанрах: самая большая пьеса больше 70 страниц не выходит, а если выходит — это плохая пьеса, и ее нужно сокращать. А романов я не пишу.

— А будете?..

— Пока не требует поэта к столь крупной жертве Аполлон... Но отхватить Букера хочется!

— Почему вы называете себя любителем и так упорно отвергаете слово "профессионал"?

— Это не кокетство: одно к одному передает мое ощущение. Когда говорят "любитель" и "профессионал", мы понимаем, о чем речь, но определения подобрать трудно. Как трудно определить словами китч, лубок, пошлость... Я в стихах чувствую себя любителем.

А профессионалом — когда правлю текст; тут уж просыпается учитель: рука порхает и вычеркивает всякие "довлеет над" и "волнительно" (терпеть их не могу!).

Всю-то жизнь я дурачился с песней, Бегал, прыгал, играл в чепуху. Называть это дело профессией — Как хотите — никак не могу.

■ ■ ■

— Ваша дочь стихов не сочиняет?

— Обычно дети литераторов не пишут — из чувства протестирования. Но Наташка — все-таки журналист; у нее, может быть, задатки поэта еще раскроются. Она молодая совсем — двадцать семь лет. Живет в Москве, работает в пресс-центре ВЦИОМа. Есть и внучка Ксюша, которая перешла в третий класс и время от времени пытается рифмовать...

— Что у вас лежит сейчас на машинке?

— Работа на каждый день и надолго. Секрета нет: либретто. Для мюзикла по "Доходному месту" Островского.

А в театре Елены Камбуровой — с Леной нас связывает многолетняя дружба — готов спектакль, сделанный из песен и стихов, часть которых я написал сам. Называется "Семь тетрадей учителя российской словесности", на музыку Геннадия Гладкова и Дашкевича, режиссер — Олег Кудряшов.

В октябре в здании театра "Школа современной пьесы" прошла премьера "Семь тетрадей". На сцене у покрытой каракулями школьной доски, сделанной из зеркала (оно же — и биллиардный стол, и глухая стена, и рыжкую лису отражает), металась и колдовала Камбурова... А интеллектуалы средних лет, битком набившиеся в скромных размеров зальчик, два отделения слушали ее не дыша.

Слова песен к всенародно любимым телефильмам — хитам 70—80-х годов — писали двое. Отношения в паре были сложными: один, некий Ю.Михайлов, был крайне неприятным субъектом. Ни одной рифмы самодично не придумал, зато его имя красовалось во всех титрах. А настоящий автор стихов, бард, драматург, диссидент и школьный учитель, полурусский-полукореец Юлий Ким скромно прятался за спиной этого бесплотного "Ю.Михайлова".

Юлий Черсанович Ким с двадцати лет — с 1956 года — пишет песни на свои стихи. Сочинитель песен для театра, кино- и телефильмов: "Бумбараш", "Точка, точка, запятая", "Усатый нянь", "Двенадцать стульев", "Обыкновенное чудо", "Пять вечеров", "Ярославна — королева Франции", "Красная Шапочка", "Убить дракона"...

— Недавно я пробовал считать фильмы, где работал, ну, хоть по одной песенке. Получилось около 50. Спектаклей — около 30.

— Безумно трудно совместить разухабистую "Бабочку", которая "крылышками бяк-бяк", и ваше славное диссидентское прошлое. Самиздатовский бюллетень "Хроника текущих событий", например.

— В "Хронике" активно участвовала моя жена Ирина Якир, внучка расстрелянного Сталиным командарма. И я тоже немало поучаствовал (редактировал 11-й и 18-й номера). Я очень был близок к активному кругу нашего московского диссидентства: Петр Якир, генерал Григоренко, Лариса Богораз...

— Вы попали в этот круг из-за женитьбы на дочке диссидента?

— Я попал бы в этот круг, даже если б вообще не женился. Мы с сокурсниками так были настроены еще в Московском пединституте...

— Правда ли, что укрыться под псевдонимом вам подсказал высокий идеологический начальник?

— После того как в 1968 году мне запретили преподавать, встал выбор: или заниматься пьесами и песнями для театра и кино, или быть профессиональным диссидентом. Я не могу похвастаться каким-то особым героизмом. Под псевдонимом мог существовать в театре, а под именем "диссидент Ким" — не мог. Сам додумался до этой мысли — лежало на поверхности. Но все знали, конечно, кто такой "Михайлов".

А отменил мой псевдоним Окуджава. "Литературка" в апреле 1985 года (признак нового времени!) заказала ему материал обо мне, и Булат написал статью "Запоздалый комплимент", где нас с "Ю.Михайловым" идентифицировал.

— Скажите, а стихов вам Булат Шалвович не посвящал?

— Ну, чем тебе потрафить, мой кузнечик? и "Вот приходит Юлий Ким и смешное напевает", а в семидесятые годы — стихотворение, посвященное сразу троим: Высоцкому, Галичу и мне.

— Откуда ваши корни?

— Мама — из рода священника большущего калужского села Угодский Завод Василия Павловича Всесвятского. Она, как и я, закончила Московский пединститут, только тогда он назывался иначе, и уехала в Хабаровск. А там встретила с моим будущим отцом, Ким Чер Саном. Отец приехал за ней в Москву. Работал переводчиком в издательстве "Иностранный рабочий", а в тридцать восьмом его расстреляли. Маму арестовали: 5 лет лагеря плюс 3 года ссылки. Я жил у родни; мы с мамой встретились только после войны...

Мои родины: Москва, Малоярославец, Ташауз. Есть и четвертая: три счастливых года я преподавал литературу и историю в средней школе в богом забытой Анапке — это поселок при рыбокомбинате на Камчатке. Я на эту свою камчатскую родину из-за ностальгии пять раз потом приезжал.

Пока учился в школе, думал о себе как о поэте... А бардом себя — не видел. За три года на Камчатке песни сильно потеснили поэзию. Писал для школьных постановок, незаметно и бессознательно осваивал то, чем занимаюсь сейчас вполне сознательно: искусством мюзикла.

Через магнитофон мои песни доехали до серьезных режиссеров кино и театра — Александра Володина, Сергея Юткевича; я был режиссерами привлечен, и мне это понравилось. Уже в 1963 году я получил свой первый заказ для кино, а там — пошло-поехало.

— Кто вы все-таки? Бард, драматург?

— Моя магистральная линия очень простая: сочинительство. Песен, пьес, прозы...

— А ваши любимые театры и режиссеры?

— Я не выбираю режиссеров. Сотрудничаю в зависимости от предложения. У меня эксклюзивная любовь к Петру Фоменко, продиктованная биографией: мы в пединституте год или два проучились вместе. В 1968 году Петр щедро предложил написать сколько захочу вокальных номеров в его спектакль в Театре на Малой Бронной "Как вам это понравится" (В.Шекспир). А еще через десять лет они прозвучали в спектакле "Сказка Арденнского леса" по тому же сюжету. (И тут вдруг Ким, этот прожженный, неисправимый "учила-мочила", обрывает себя на полуслове и невозмутимо объявляет: "Арденнского — с двумя "н", пожалуйста!" — Р.М.)

С этого умопомрачительного заказа началась моя жизнь в театре. Мне очень понравилось идти вслед за Евгением Шварцем: taskать из литературы сюжеты. Смущения при этом я не испытываю никакого: и кроме меня были охотники — Шекспир, Брехт... Окружающие думают, что лучше бы я занимался своим делом. То есть сочинял песни...

А вообще-то Фоменко и Левитин из театра "Эрмитаж" — вот два режиссера, которые могут поставить все! Не знаю, как насчет телефонной книги, но Левитин однажды поставил... сте-